

DOI 10.15393/j10.art.2017.3161

Георгий Сергеевич Прохоров

*доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы
Государственного социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)*
prokhorov_goscha@mail.ru

«ДЕЛО О СМЕРТИ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА ДОСТОЕВСКОГО», ИЛИ НАД ЧЕМ КОРПЕЛИ СУДЬИ ПОЛТОРА ГОДА

Аннотация. В статье анализируются процессуальные аспекты, связанные с расследованием смерти Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя. На основе русского законодательства 1830-х гг. предпринята попытка интерпретации сохранившейся от полицейского расследования 1839–1840 гг. документации — прежде всего, материалов очной ставки двух ключевых свидетелей в процессе, Ивана Лейбрехта и Владимира Хотяинцева. Вскрыты основные семантические линии расследования (причина смерти, источник слуха об убийстве, решение о подсудности), выявлены разногласия Каширского уездного суда и Тульской уголовной палаты — двух инстанций, вовлеченных в процесс расследования.

Ключевые слова: Михаил Андреевич Достоевский, Даровое, Черемошняя, интерпретация юридического текста, следствие, процессуальное право

6 (18) июня 1839 года Михаил Андреевич Достоевский, отец писателя, умер в поле, соединяющем две принадлежавшие ему деревни — Даровое и Черемошню — тогдашнего Каширского уезда Тульской губернии. Смерть была скоропостижной. Интерес к обстоятельствам, ее вызвавшим, появился почти столетие спустя, в 1920-е годы. Любовь Федоровна Достоевская в своих воспоминаниях об отце поведала миру о страшной семейной тайне: дед, Михаил Андреевич, за жестокое обращение был убит собственными крестьянами; этот факт знала вся семья, считала позорным и скрывала; эпилепсия Федора Михайловича связана с переживанием известия об убийстве отца [10], [11], [12]. Подготовленные в те же годы к печати воспоминания Андрея Михайловича Достоевского информацию об убийстве подтверждали, хотя и придавали происшествию иной мотив — скоротечный конфликт с группой крестьян, вызванный неурожаем [6, 109]. В беседах с тогдашними жителями Дарового и Черемошни, проведенных А. Дроздовым, Д. Стоновым и В. С. Нечаевой в 1920-х гг., содержатся сообщения о «зверствах» барина Достоевского и о его убийстве [18]. Мотив «отцеубийства» присутствовал и в творчестве Ф. М. Достоевского (прежде всего в романе «Братья Карамазовы») — и стал казаться легко объясняемым с опорой на мемуарные свидетельства.

В работах психоаналитиков [15], [29], ранних биографов и достоевистов [7], [8], [6], [16] «убийство отца» оказалось связанным со свойственной

Достоевскому темой преступления, собственно говоря, благодаря этому нарративу, жизнь и творчество писателя соединялись воедино. Насильственный характер смерти отца писателя стал общепризнанным (см: [7, 38–42], [30]).

Однако в 1970-х гг. Г. А. Федоров выявил архивные документы, которые показали, что смерть, действительно, была скоропостижной, в ее момент М. А. Достоевский был окружен лишь крестьянами, и полиция признала ее причиной — апоплексический удар [24, 7]. Отсылая к документам, исследователь стремился «реабилитировать» отца писателя и снять с него обвинения в зверствах, доведших крестьян до преступления. Содержание его работ оспаривало мнение авторитетных исследователей: 1) под вопрос ставилась общепризнанная теория (убийство отца); 2) выводы советских исследователей опровергались на основании их противоречия документам царской полиции [24], [25], [26]. Оба пункта были категорически неприемлемы для В. С. Нечаевой, которая к 1970-м гг. уже превратилась в идеологически правильного советского литературоведа, как она сама себя охарактеризовала в набросках к возможным мемуарам¹. Ее претензия — «общая методологическая безграмотность» Г. А. Федорова и малая значимость его находок для специалистов по творчеству Достоевского. Единственное, что она признала ценным в открытии Федорова, — это факт полицейского расследования, само наличие которого, по ее мнению, *подтверждает* подозрения о насильственной смерти отца писателя [17, 89].

Находки Г. А. Федорова оказались первым соприкосновением с реальной ситуацией 1839–1840 гг., однако исследователем не были предоставлены ссылки на первичные материалы, приводились только отдельные выдержки в виде разобренных цитат. Кроме того, собственно «Дело о смерти М. А. Достоевского» оставалось найденным.

Документы, с которыми работал Г. А. Федоров, были повторно выявлены и тщательно проанализированы И. Л. Волгиным, который, кроме того, впервые дал источниковедческую характеристику, указав на их вторичность и описав характер выдержек [4, 250–260], [3]. «Дело» не сохранилось (при формировании архива Министерства юстиции подобные папки, отражающие закрытые расследования, оставались на балансе учреждений и не передавались в хранилище как не имеющие ценности). Все, что дошло до нашего времени и с чем мы можем работать, — это выписки из следственных документов, донесения о производимых процессуальных действиях, сохранившиеся в «Журналах» 1839 и 1840 гг. Каширского уездного суда.

И. Л. Волгин представил интерпретацию мотива «убийства» в творчестве Достоевского в контексте материалов о расследовании смерти М. А. Достоевского. Множество выявленных переключек поддержали направление, заданное В. С. Нечаевой в ее критике Г. А. Федорова [4, 267–269].

Впрочем, и мотив убийства, и даже топос Черемошни в творчестве Достоевского носят амбивалентный характер, как то продемонстрировал

Б. Н. Тихомиров [23]. Насильственная смерть оказывается моментом спора и дискуссии: было убийство или нет. Черemoшья в творчестве Достоевского скорее локус, где случается смерть подозрительная, но не откровенное лишение жизни.

С 1920-х гг. и до сего времени исследователи Достоевского интегрируют в единый комплекс материалы официального полицейского расследования и частные текстовые источники (мемуары, мемораты, художественные произведения). Отсюда — свободный переход от свидетельства к мотиву художественного произведения. Этот переход, будучи весьма проблемным с теоретико-литературной точки зрения, кроме того, не отражает специфику следствия 1-й половины XIX века, которое велось письменно и было тайным. Ни Достоевский, ни его родственники, ни соседи-помещики, ни крестьяне не могли знать ни единой строчки из документов суда. Многие сделано исследователями, чтобы выявить значение гипотетической ситуации «убийства отца» для творческой биографии Достоевского. В то же время сохранившиеся материалы остаются прочитанными не до конца в рамках самого близкого к ним дискурса — существующей судебно-медицинской практики, русского процессуального законодательства и т. д. (см. об этом: [20], [19]).

Материалы, сохранившиеся от расследования о смерти отца писателя, демонстрируют весьма устойчивую картину:

Сего июня 6 числа утром надворный советник Михаила Андреев Достоевский, имея от роду 54 года, распорядившийся имением покойной его жены Каширского уезда в Селе Даровом, быв в поле за возившими крестьянами навоз, скоропостижно умре. По произведенному временным отделением Сего Суда следствию в насильственной смерти его, Г^{на} Достоевского, сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала она, как свидетельством Уездный Штаб-Лекарь Шенкнехт удостоверяет, от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных напряжений, от коих привычного пособия не было принято².

Такие факты содержатся и в самом первом из сохранившихся документов — «Донесении тульскому губернатору» от 19 июня 1839 года, — и в последнем — «Приказе о закрытии дела» от 30 ноября 1840-го.

54 года — для европейца XX века возраст совсем небольшой. Поэтому неудивительно, что и для В. С. Нечаевой, и для Л. П. Гроссмана, и для И. Л. Волгина отец Достоевского умер преждевременно и почти молодым. В действительности, он пережил средний возраст. До открытия антибиотиков и их вхождения в медицинскую практику продолжительность жизни была существенно меньше: «...не только в начале XIX столетия, но и в его середине величина средней продолжительности жизни во многих странах не превышала 40 лет. В середине XIX века она составляла для Англии 33 года,

для Бельгии — 32 года, для Голландии — 34 года. Во Франции в 1861–1865 гг. она была равна 39,8 года. Таким образом, вплоть до конца XIX века люди жили мало. В России в 1896–1897 гг. *средняя продолжительность жизни равнялась 32 годам*» (курсив мой. — Г. П.) [5, 129–130]. Самые оптимистические подсчеты ограничивали продолжительность жизни 50 годами: «Основываясь на статистических данных, мы видим, что средняя продолжительность жизни, даже при хорошей обстановке, не больше 50 лет» [27, 51]. Экстраполяция представлений о продолжительности жизни человека конца XX века на реалии 1-й половины XIX столетия несколько искажает картину. В 1839 году человек в 54 года был стариком. Именно так отца Достоевского воспринимали и окружающие, и лица, вовлеченные в расследование. Зачем же тогда понадобилось расследование? Смерть М. А. Достоевского наступила скоропостижно, быстро, к тому же в поле. Такие случаи закон требовал расследовать прежде всего для того, чтобы установить, чем именно была вызвана смерть и почему она произошла так неожиданно и мгновенно. Сам факт полицейского расследования свидетельствовал о скоропостижности, но никоим образом не о наличии подозрений. В современном мире подобная практика сохранилась в англосаксонских правовых системах — так называемое *коронерское расследование*.

Как же получилось, что дело, которое изначально носило формальный характер, затянулось почти на полтора года? Собственно, на «проволочку» обратил внимание еще Г. А. Федоров: «... поступившие с 1 января по 14 октября 1839 года 49 уголовных дел решены. Лишь одно дело “за самим присутственным местом” (Каширским уездным судом. — Г. П.) осталось нерешенным, “о умершем... Достоевском”» [25, 188].

На наш взгляд, эта «проволочка» во многом проясняет логику и следственных действий, и процесса. То, что мы сейчас называем «Делом о смерти М. А. Достоевского», состоит из трех спутанных в единый клубок, но тем не менее отличных друг от друга дел. Во-первых, было полицейское расследование непосредственно причины смерти отца писателя, осуществленное Каширским земским судом в июне 1839 года. Во-вторых, был проводимый Каширским уездным судом в июне — ноябре 1839 года комплекс мер, направленных по отношению к Владимиру Хотяинцеву и Ивану Лейбрехту. Цель судебных действий заключалась в выяснении источника слуха о насильственной смерти М. А. Достоевского. В-третьих, было дорасследование, назначенное в январе 1840 года Тульской уголовной палатой и осуществленное каширскими судами в январе — октябре того года. Цель дорасследования — обосновать подсудность дела Тульской уголовной палате.

Кроме субъекта и предмета расследования, менялись и следственные «протоколы»: обнаружение «мертвого тела», насильственная смерть, убийство крестьянами, донесение о слухах, заведомо ложный донос и т. д. В этих сменах субъекта следствия и стандарта текстовый корпус набрал

ряд спорных процессуальных действий, устранить которые оказалось весьма и весьма сложно, и особенно в судебной ситуации конца 1830-х гг.

В 1834 году под эгидой М. М. Сперанского состоялась судебная реформа, целью которой была стабилизация русской юридической системы на основе нормативного судопроизводства. Граф Сперанский подготовил «Свод законов Российской империи», который Высочайшим указом был введен в действие как корпус, заменяющий в судопроизводстве все имеющиеся законодательные акты. Сформированный «Свод» превратился в единственный источник отправления правосудия:

...остановился <Государственный совет> на первомъ; вслѣдствіе чего положено было: «Сводъ» обнародовать съ полною силою закона и привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1835 года, до того же времени предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ вносить всѣ замѣчанія, какія могли бы возникнуть на практикѣ, для соотвѣтственныхъ исправленій въ «Продолженіяхъ Свода», которыя издавать по мѣрѣ накопленія для нихъ матеріаловъ. На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 31-го января 1833-го года. «Симъ исполнены — сказано было въ немъ — желанія предковъ нашихъ, въ теченіи ста двадцати шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся.» [14, 319].

Замышлялась эта реформа с целью сделать русское правосудие более последовательным и простым, чтобы любой человек мог взаимодействовать с юридической системой без необходимости обращаться к профессиональным «толкователям».

На самом деле, новая модель лишила целый ряд судей права принимать решения. Земский суд превратился в полицейскую часть. Так, в «Руководстве к познанию законов», составленном Сперанским в 1838 году, указано:

Предметы вѣдомства. Все что принадлежитъ къ полиціи распорядительной, понудительной, слѣдственной, исправительной и исполнительной, составляетъ предметъ вѣдомства Земскаго Суда.

<...> *Порядокъ производства дѣлъ* есть совѣщательный и исполнительный [22, 168].

Уездные судьи теоретически могли выносить решения, но на практике сфера их компетенции была микроскопической:

Власть его въ дѣлахъ гражданскихъ ограничена цѣною дѣлъ во сто рублей (асс.); въ уголовныхъ одними исправительными наказаніями; прочія всѣ возходятъ въ Палату порядкомъ апелляціи или ревизіи [22, 169].

Все вопросы решали губернские палаты и Сенат — органы, чей состав был назначаем, в отличие от избираемых разными сословиями низших судов:

Губернскій Судъ.

<...> *Власть*. Палата Гражданская рѣшитъ дѣла тяжбы и исковыя до двухъ тысячъ рублей (асс.) окончательно, прочія съ переносомъ въ Сенатъ. Палата уголовная рѣшитъ всѣ дѣла о преступленіяхъ лицъ податныхъ состояній окончательно, о дворянахъ съ переносомъ на ревизію въ Сенатъ [22, 161–162].

Впрочем, и Сенат, и губернские палаты в своих действиях были обязаны механически следовать «Своду», также как следовали ему низшие суды. Таким образом, судья любого уровня из лица, принимающего решение, превращался в инструмент и исполнителя. Судебный процесс сводился к определению: под какую статью подходит тот или иной момент, описанный в деле. В этой технологической механике и обнаружилась ограниченность новой системы, практическая невозможность слепого исполнения «Свода»:

...не во всѣхъ государствахъ *сводъ* есть крайняя общественная цѣль <...>; 2) <...> *сводъ*, держась правила — лишь сохранять *букву* закона, независимо отъ его разума, т. е., составлять свой текстъ изъ однихъ предписаній, съ исключеніемъ всѣхъ собственно вступительныхъ частей указовъ, именно: *исторіи дѣла, поводовъ и разсужденій*, — отнял тѣмъ и у буквы настоящее ея значеніе или придалъ ей, мѣстами, противоположный цѣли законодателя смыслъ и изъ частныхъ случаевъ или изъ постановленій, имѣвшихъ въ виду временную и преходящую потребность, извлекъ общія правила, не всегда удобопримѣнимыя... [28, 8].

Случай Михаила Андреевича Достоевского и оказался одним из таких, к которому неудобоприменимы «общие правила».

19 июня 1839 года Каширский уездный суд признал проведенное одноименным земским судом расследование завершенным и отослал экстракт на утверждение Тульскому гражданскому губернатору. Тексты донесения, приведенного выше в настоящей статье, и передаточной записи сохранились:

2й. июня от 19-го за № 3102, при коем прислано дело о скоропостижно умершем надворном советнике Михайле Андрееве Достаевском. **Приказали:** рапорт с делом записав отдать в повятъе с роспискою, а как из произведенного следствия видно что в умышленной смерти гна Достаевского никого виновных и подозрительных к тому видов не открыто и сумнения в том ни от кого никакого неизъявлено, почему случай таковой смерти предать суду воли Божией а дело с мнением и экстрактом отослать на ревизию к гну Тульскому гражданскому губернатору и кавалеру при рапорте о чем сочинить особый протокол³.

Порядок действий, положенный при скоропостижной смерти внешне здорового человека, был осуществлен: становой пристав доложил о происшествии

в земский суд, которым было проведено расследование с опросом местных жителей; каширский уездный врач Шенкнехт произвел осмотр и вскрытие тела; по установлению объективной картины дело было направлено в уездный суд и к гражданскому губернатору:

Дела же о происшествиях, по которым нет в виду преступления или судить некого, должны быть представляемы из нижних судебных мест не в Палату уголовного суда, но к гражданским губернаторам, в подлинниках при выписках и мнениях; и если губернаторы найдут производство сих дел неправильным или неудовлетворительным или получают от кого жалобу, либо признают что те дела подлежат ревизии Палаты, то прямо от себя их в оную посылают⁴.

В тот момент, когда дело о смерти Михаила Андреевича находилось на утверждении у гражданского губернатора, произошел неожиданный поворот: помещик Иван Лейбрехт явился в Каширский земский суд и дал показания, будто Владимир Федорович Хотяинцев рассказал ему о своих сомнениях в ненасильственном характере смерти М. А. Достоевского. Председатель низшего суда, исправник Елагин, потребовал от Лейбрехта не ограничиваться устным рассказом, а подать «на бумагах» Сведение⁵, что Лейбрехт и сделал. С момента появления донесения Лейбрехта казавшееся простым и законченным дело превратилось в каверзную процессуальную головоломку. Ни Лейбрехт, ни Хотяинцев не присутствовали в момент смерти соседа-помещика, а потому в свидетели не годились:

Относительно лица свидетелей требуется: 1) чтобъ они могли быть наблюдателями того предмета, о которомъ они даютъ показаніе [2, 80].

Более того, оставивший заявление Лейбрехт вообще не был знаком с покойным и лишь пересказал якобы сообщенные ему Владимиром Хотяинцевым сведения и переданные последнему якобы со слов Павла Петровича Хотяинцева — владельца соседнего с Даровым села Моногарово. Сведений о контактах Владимира Хотяинцева с Михаилом Андреевичем Достоевским нет. Между тем «тѣ, которые свидѣтельствуютъ по слуху отъ другихъ» являются «недопускаемыми къ свидѣтельству подъ присягою въ дѣлахъ уголовныхъ по Русскимъ законамъ» [2, 82].

Что делать с донесением Лейбрехта? Посчитать молвой? — «Подъ *молвою* разумѣется распространившійся слухъ о преступленіи. Сама по себѣ она даетъ слабый поводъ къ слѣдствію, потому что часто можетъ происходить отъ злонамѣренности или пусторѣчія...» [2, 113]. Пополнить его сведениями материалы повального обыска? Но «повальный обыскъ, состоитъ въ допросѣ окольныхъ жителей, о такомъ обстоятельствѣ въ дѣлѣ, которое можетъ быть извѣстно всѣмъ, или многимъ жителямъ какого-либо мѣста <...>. Устраняются отъ него: <...> люди, знающіе о чемъ-либо по наслышкѣ» [2, 83].

С одной стороны, донесение не содержит процессуально приемлемой информации. С другой — повреждает категоричность центрального положения расследования: «...в умышленной смерти гна Достоевского <...> сомнения в том ни от кого никакого неизъявлено». «Сомнение» появилось. Вместе с его появлением изменились и подсудность (теперь это уездный суд), и ревизирующая инстанция (теперь это Тульская уголовная палата). Дело отправилось на утверждение, при том что утверждать его — в изменившихся условиях — гражданский губернатор не имел права. Более того, ни земский, ни уездный суды вообще не были уполномочены направлять такого рода дела на ревизию гражданскому губернатору. Дело должно было быть срочно истребовано назад для пересмотра, чтобы ни у кого в губернском центре не возникло подозрений в умышленном характере произошедшей ошибки. Истребование, действительно, состоялось. И вместе с ним — назначение целого ряда дополнительных действий:

— допросить Лейбрехта и Владимира Хотяинцева и учинить им очную ставку;

— допросить частнопрактикующего врача из Зарайска Шенрока;

— допросить Арину Васильевну Закуруину — возможную свидетельницу второго разговора Лейбрехта и Владимира Хотяинцева.

Очная ставка дала неожиданный результат: выяснилось, что истребование дела не предполагалось инициатором донесения:

<Н>а другой день по даче от себя сведения в Каширский земский суд, — рассказывал Лейбрехт, — он поехал к Г-ну Хотяинцову и объявил ему, что по желанию его, он передал все сии слухи начет смертности г. Достоевского г-ну исправнику Каширского земского суда, и оной потребовал от него на бумаги Сведение и что он все слышанное от него в оном поместил <...>, на что ему Г. Хотяинцов сказал что он весьма дурно зделал, а следовало бы ему Замешать в оном деле самого Исправника, и тогда он получа его сведение положил бы под сукно⁶.

Место весьма темное. Но фразеологизм «положить под сукно» со всей очевидностью означает одно: не дать показанию хода. Сомнительное донесение, появившееся как бы из ничего и очень не вовремя, должно было «сгинуть» в земском суде в Кашире, а губернатор спокойно утвердить дело. Кто-то — или Лейбрехт, или Владимир Хотяинцев, или стоявшие за ним «неустановленные лица» — «подставляли» каширского исправника Н. П. Елагина. Вброшенная бумага с ничтожным процессуальным потенциалом, но громким содержанием, бумага, которую сложно выкинуть, но и в дело нельзя вставить, «играла» именно против него, главы земского суда. Юридическую ничтожность надо еще обосновать, тогда как обнаружение такой свидетельской бумаги «под сукном» — запоминающееся событие. Мысль Г. А. Федорова, что Елагин был оклеветан [25, 142], кажется нам точной:

вступивший в должность губернатора Александр Егорович Аверкиев — человек, не связанный с Тульской губернией, — как раз в конце июня начал ревизовать уезды... Однако Н. П. Елагин был образцовым бюрократом⁷ — и дело было возвращено. С этого момента перед нами два дела, сплетенных в один клубок: 1) о причине смерти надворного советника Достоевского, 2) об источнике слуха об убийстве и о цели донесения. В достоевковедении весь указанный комплекс обозначается как «Дело о смерти М. А. Достоевского», которая исследователям неизменно видится семантической доминантой:

Теперь (после донесения Лейбрехта. — Г. П.) суду необходимо вновь подтвердить свое первоначальное заключение о ненасильственной смерти М. А. Достоевского [25, 142].

Некто Лейбрехт «изъявляет подозрение», что дело нечисто. Наряжается новое следствие, которое, впрочем, ничего нового не обнаруживает [4, 255].

Продолжение судебного расследования во многом с легкой руки Г. А. Федорова воспринимается как повторное следствие, вызванное сомнениями в изначально полученных данных (см. вышеприведенную цитату из кн. И. Л. Волгина). Поскольку причиной этого «второго следствия» послужило инспирированное Владимиром Хотяинцевым сообщение Лейбрехта, то Г. А. Федоров объяснил все длительными неприязненными отношениями Хотяинцевых и Достоевских:

Не удалось Хотяинцеву засудить и крестьян соседа и тем окончательно разорить детей человека, отважившегося начать с ним судебный спор о земле [25, 143].

Излишне пристальное внимание к Хотяинцевым и их конфликту с покойным — справедливый упрек И. Л. Волгина: «Заговор Хотяинцевых против наследников Михаила Андреевича выглядит очень детективно, но, увы, не находит никаких фактических подтверждений» [4, 257]. И Г. А. Федоров, и исследователи, критиковавшие выдвинутый им мотив для действий Лейбрехта (В. С. Нечаева, И. Л. Волгин), упустили интересную деталь: ни крестьяне, ни действия врачей никогда не были хоть сколько-то значительной частью производимых исследований. В продолжении материалов о смерти надворного советника Достоевского меньше всего говорится о М. А. Достоевском: доминантой служило дознание о Лейбрехте и Владимире Хотяинцеве. Судей интересовали источник, причины донесения и его процессуальные следствия.

Ситуация, в которой после составления бумаги очутился Лейбрехт, более чем подозрительна. Его донесение, в корне меняющее все расследование, появилось аккуратно в тот самый момент, когда законченное дело лежало на утверждении у губернатора. Подателем, а то и источником выступило

лицо, не являвшееся свидетелем, не бывавшее в усадьбе Достоевского, совершенно не знакомое с умершим, но при этом погрязшее в делах каширских судов — чаще всего в статусе ответчика. Примечательно, что очная ставка между Иваном Лейбрехтом и Владимиром Хотяинцевым вызвана не интересом к причинам смерти Михаила Андреевича Достоевского, а попыткой разобраться, откуда взялось донесение. Поведение обеих сторон на очной ставке весьма выразительно: каждый из них выставляет противоположную сторону ответственной за слух. Лейбрехт сваливает ответственность за содержательную сторону донесения на Владимира Хотяинцева и минимизирует свою роль до функции агента: «...сверх сего дополняет он Лейбрехт что на другой день по даче от себя Сведения в Каширский земский суд, он поехал к Гну Хотяинцову и объявил ему что *по желанию его, он передал все сие слухи нащет смертности Г. Достаевского Гну исправнику Каширского земского суда*»⁸. Владимир Хотяинцев, отрицая сам факт подобного разговора, источником информации называет Лейбрехта: «Гн Хотяинцов в показуемом на сем зделал отрицательства, что он сих слов ему Гну Лейбрехту ни говорил»⁹. Когда Лейбрехт настаивает, что не был знаком с Михаилом Андреевичем и не мог выдумать детали¹⁰, то это аргументы, объясняющие свою невозможность быть источником слуха, а не причину смерти отца Достоевского. В результате каждый из участников очной ставки изображает из себя жертву неведомой игры со-ответчика. Лейбрехт до такой степени не желает ассоциироваться с собственным и добровольным донесением, что указывает на замысел Хотяинцева против Елагина: «...он <Лейбрехт> передал все сие слухи нащет смертности Г. Достаевского Гну исправнику Каширского земского суда <...>, на что ему Г. Хотяинцов сказал что он <Лейбрехт> весьма дурно зделал, а следовало бы ему Замешать в оном деле самого исправника, и тогда он <Елагин> получа его <Лейбрехта> сведение положил бы под сукно (курсив мой. — Г. П.), впротчем это не беда он <Владимир Хотяинцев> скажет что все оное слышал от г. Хотяинцова Павла Петровича жены»¹¹. Весь дискурс Лейбрехта противится предложенной для него Игорем Волгиным роли: «Лейбрехт! Лейбрехт! — осененно воскликнет наш прозорливый читатель — и нам остается лишь подивиться аналитической силе его ума. Действительно, ситуация, обозначенная в “Неточке Незвановой”, буквально, вплоть до деталей, напоминает расклад, когда бдительность ротмистра Лейбрехта воспрепятствовала тому, чтобы дело о скоропостижной кончине Михаила Андреевича Достоевского было положено под сукно» [4, 268].

Острая пикировка, взаимные «подставы» вряд ли свидетельствуют, что перед нами единомышленники, равно как и о том, что это — люди, владеющие реальными фактами и способные привести какие-то существенные доказательства. Именно потому, что фактов нет, а бумага есть, все, о чем пекутся на очной ставке Иван Лейбрехт и Владимир Хотяинцев, — это о том, чтобы уйти от ответственности по статье «заведомо ложный донос».

Единственное, в чем они согласны между собой и что их непоколебимо защищает, — никто из них не свидетель и переданное — не более чем слух («передал все сие *слухи* (курсив мой. — Г. П.) нащет смертности Г. Достоевского» — взгляд Лейбрехта; «все оное слышал от г. Хотяинцова Павла Петровича жены» — позиция Хотяинцева). Пока сообщение — лишь набор слухов, личная версия не бывших свидетелями сторонних людей, никого из них нельзя обвинить в ложном доносе. Всего лишь — глупая неосторожность, совершенная безо всякого злого умысла. У глупости порой бывают серьезные последствия, но интенции навредить главе местной полиции у глупости быть не может. Если бы у Лейбрехта или у Хотяинцева имелись какие-то четкие факты, то в сложившейся ситуации им было бы гораздо разумнее к ним апеллировать, нежели намекать на очной ставке на «игру» соответчика против исправника. Обратим внимание, что на очной ставке не всплывает ни одно крестьянское имя — ни из Дарового, ни из Черемошни, ни из Моногарова. Фактов нет, а крайним быть никто не хочет. Вот почему «В. Ф. Хотяинцев, на которого ссылается Лейбрехт, <...> категорически отказывается от приписываемых ему слов. Сам же Павел Петрович, якобы горевший желанием “открыть все дело”, почему-то не спешит...» [4, 255–256].

Могло ли донесение Лейбрехта действительно передавать ходившие слухи? — могло. Могли ли о чем-то шептаться крестьяне и помещики в Моногарове? — могли. Однако «право гѣмъ и отличается отъ нравственности, что нравственность оцѣниваетъ дѣйствія человѣческія главнымъ образомъ по намѣренію, а право наказываетъ и за намѣреніе и за дѣло, и за намѣреніе лишь настолько, насколько оно осуществляется въ дѣлѣ» [1, 7]. Вот почему даже если вдруг М. А. Достоевский умер в результате конфликта с крестьянами или в ходе конфликта они угрожали словесно или вилами, то с юридической точки зрения, убийства все равно не было. Убийство в XIX веке — это практически всегда умышленное нанесение травмы, несовместимой с жизнью. Суд требует от Лейбрехта верифицируемое доказательство такого факта.

К 16 ноября 1839 года программа доследования была выполнена, так что на ревизию теперь уже в Тульскую уголовную палату отправилось заключение, состоящее из двух основных «мнений» Каширского уездного суда:

1. О ненасильственной смерти Достоевского: «Случай смерти г. Достоевском на основании 15 тома 1061 Статьи предать суду воли Божией, так как в оной виновных никого нет, а она ему последовала от апоплексического удара»¹².

2. О безрассудном донесении Лейбрехта: «Что ж касается до г. Лейбрехта в изъявлении им в присутствии Каширского земского суда слов, что в смерти г. Достоевского имеется сумнение и он будто бы эти слова слышал от г. Хотяинцева но он Хотяинцев в сем отрекся и по следствием в насильственной смерти его виновных никого же неоткрыто, почему за неосновательное таковое объявление ему Лейбрехту по 105-й статье оного же тома подтвердить чтоб он впредь подобных сему случаях был осторожнее»¹³. Указанная

статья рекомендовала судьям проявлять к подсудимым милосердие и в случае необходимости назначать наказание ниже нижнего предела — деяние, совершенное Лейбрехтом, было признано глупостью.

3 января 1840 года дело из Тульской уголовной палаты возвращается назад. Каширский уездный суд отнесся к происшествию как к возможному убийству. Между тем убийцами Михаила Андреевича могли быть только его собственные крестьяне. Вопреки введенному В. С. Нечаевой в научный оборот указанию о росте насильственных преступлений крестьян против помещиков в 1830–1850-х гг. [16, 49], данные, опубликованные еще в советской печати 1920-х гг., показывают, что в то время никакого всплеска насилия в отношении помещиков в Тульской губернии не было [9]. В Тульской губернии в среднем за год совершалось одно убийство помещика; беспорядков, волнений, поджогов усадеб, неповиновений не было. Появятся они лишь в 1848 году (впрочем, к 1851 году ситуация будет стабилизирована, а с 1860-го — вообще вернется к исконной «норме»).

Однако какова бы ни была картина в статистическом разрезе, объективный набор фактов — барин, который вдруг ни с того ни с сего умер в поле, приглядывая за крестьянами, — естественным образом выдвигает последних на роль потенциальных убийц. Выносить вердикт по делу об убийстве помещика его собственными крестьянами мог только Сенат. В подобном роде дел губернская палата составляла лишь мнение, которое отсылала в высший судебный орган.

Расследование смерти Михаила Андреевича становится весьма «скользким». Если не было ни убийства, ни подозрений, то для решения дела достаточно полномочий самого низшего, земского, суда с визой гражданского губернатора. Но если убийство было, то приговор выносит Сенат — высший судебный орган Империи. Тульская уголовная палата оказалась в щепетильном положении: она рисковала вынести решение по неподсудному ей делу. Подсудность же возникала в весьма «узкой» ситуации: убийства не было, но было подозрение, опровергнутое в ходе процесса. Члены Тульской уголовной палаты решили проявить тщательность и потребовали «учинить следующее<:>

1е находившейся при деле гна зарайского лекаря Шенрока, по оставлении с него к делу копии отослать при отношении на заключение в Тульскую врачебную управу, с требованием таковым чтоб оные по сделании своего заключения с возвращением оногo в сей суд уведомила б;

2е в разноречивых показаниях дать очные ставки гна Достаевского деревни Чермошни дворовой девке Марфе Исаевой с дворовым человеком Алексеем Михайловым и дознать от крестьян слышавших крик гна Достаевского сколько долго оный продолжался и какие слова произносил;

3е отобрать сведение от супруги Павла Петровича Хотяйнцова, от Федосьи Сергеевой, не передавала ли она Владимиру Федоровичу Хотяйнцову

сведения о смерти г. Достоевского и буде передавала то какие имела и в чем она заключаются,

4е Допросить нянюку детей г. Достоевского московскую мещанку Елену Фралову за какими она родственниками г. Достоевского посылала в Москву, и кого именно, и потом всех их спросить не имеют ли они в смерти г. Достоевского на кого подозрение; о исполнении всего одного Каширскому земскому суду предписать»¹⁴. Кроме того, Каширский уездный суд потребовал от каширского уездного предводителя дворянства учинить повальный обыск о жизни и поведении Ивана Лейбрехта и Владимира Хотяинцева¹⁵.

С января 1840 года Каширские уездный и земский суды начинают работу по сбору и надлежащему оформлению запрошенных сведений. Впрочем, у собираемых данных имеется примечательная особенность: получить их в безукоризненном, с процессуальной точки зрения, виде не представляется возможным. Перед нами — отчетливая перестраховка.

Первым пунктом палата требует правильно оформленное заключение лекаря И. Шенрока. С самого начала следствия был известен факт: первым у тела Михаила Андреевича оказался зарайский лекарь Шенрок. Возможно, его позвали, пока Достоевский был жив, как лечащего врача. Но очевидно, что ценность свидетельства сего лекаря более чем ограничена: ни обследовать, ни вскрывать «мертвое тело» он не имел права. Во-первых, Шенрок был одним из частнопрактикующих докторов, которые практически не участвовали в судебной экспертизе: «Врачебная управа производит медицинские освидетельствования <...> в разных случаях встречающихся по делам управления и по делам судным, гражданским и уголовным»¹⁶.

Во-вторых, он был частнопрактикующим врачом из соседнего уезда иной, Рязанской, губернии, то есть вообще не относился к местной врачебной управе, тогда как «судебный осмотр тела производится не иначе, как по формальному от присутственного места требованию»¹⁷.

В-третьих, он оказался у тела менее, чем через 24 часа после смерти, что уже само по себе запрещало любые анатомические манипуляции: «К вскрытию мертвого тела ни в каком случае не должно приступать прежде истечения 24 часов после смерти»¹⁸.

Кроме сомнительной ценности, сведения Шенрока ставили проблему их судебной легализации: 1) кто должен его опрашивать, — Каширский или Зарайский уездный суд и 2) кто должен утверждать его показания, — Тульская или Рязанская врачебные управы?

Палата требует провести очную ставку между дворовыми Марфой Исаевой и Алексеем Михайловым. Проблема в том, что показания девушки заведомо не могли быть приняты в качестве официального свидетельства. Марфа Исаева, 1827 года рождения, была несовершеннолетней, а показания несовершеннолетних не учитывались: «Устраняются от него <повального обыска> <...> малолѣтние ниже 15 лѣтъ» [2, 83]. Кстати, до годности к свидетельству мог не дорасти и Алексей Михайлов 1824 года рождения.

Вероятно, в первый период расследования произошла ошибка, в результате которой показания несовершеннолетней попали в материалы «повального обыска». После установления их недействительности страницы с ее опросом должны были пропускаться при судебном чтении. Тульская палата перестраховывалась, а потому настаивала: раз показания присутствуют в деле, должны быть произведены все необходимые действия.

Сведения, полученные от Федосьи Сергеевны Хотяинцевой, равно как и от Марьи Васильевны Хотяинцевой, учесть также процессуально невозможно: они находились в родстве с участниками процесса. Федосья Сергеевна должна была свидетельствовать против мужа, Павла Петровича, — имел ли он утаенные от суда сведения из усадеб Достоевского, планировал ли их открыть и почему этого не сделал (ср. из свидетельства Лейбрехта на очной ставке: «Как он <В. Ф. Хотяинцев> просил его <А. И. Лейбрехта> чтоб он <А. И. Лейбрехт> открыл исправнику что Гн Хотяинцов Павел Петрович его ждет к себе непременно, дабы открыть все сие дело»¹⁹). Марья Васильевна должна была также свидетельствовать против мужа В. Ф. Хотяинцева, — имели ли место его разговоры с Лейбрехтом. Собственно, Каширский уездный суд сразу указал на невозможность их использовать. По требованию Тульской палаты сведения были отобраны, хотя Каширский суд даже в конечном заключении указал на их ничтожность: «...гжа Хотяинцова на основании изложенного на сей предмет Законопостановления в свидетельство против своего мужа принята быть не может»²⁰.

Наконец, не годились в свидетели по делу о смерти Михаила Андреевича и его московские родственники, находившиеся в Москве. Малолетние дети Николай и Александра не могли свидетельствовать, а их нянька в момент смерти М. А. Достоевского отсутствовала в поле и не могла сообщить суду что-то более значительное, нежели слухи. Между тем в их показаниях Каширский суд был весьма заинтересован, так что передал московской полиции «для соображения ж об отобрании от изъявленных Лиц и дачи очных Ставок отослать и подлинное дело, с тем чтоб по чинении оное с исследованием возвратил в сей суд»²¹.

Куманины могли представлять неподдельный интерес в качестве свидетелей, но для разрешения второго аспекта — об источнике слуха. По этому вопросу приезжавшая в середине июня в Даровое забрать младших детей М. А. Достоевского Ольга Яковлевна Куманина была способна прояснить суду некоторые детали. Например, если она заходила к Хотяинцевым и слышала «сумнения», то источник слуха находился там: Куманина была у Хотяинцевых до разговора Владимира Хотяинцева с Лейбрехтом. При таком сценарии последний — действительно, всего лишь агент. Однако если Куманина заходила к Хотяинцевым и ни о каких «сумнениях» ей не рассказывали, то прав Владимир Хотяинцев: история сочинена Лейбрехтом.

Судя по воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского, «сумнения» в доме Хотяинцевых она слышала: «Бабушка, конечно, была на могиле отца

в селе Моногарове, а из церкви заезжала к Хотяинцевым. Оба Хотяинцевы, т. е. муж и жена, не скрывали от бабушки истинной причины смерти папеньки, но не советовали возбуждать об этом дела...» [13, 110]. Однако по каким-то причинам до следователей вся история беседы Павла Петровича Хотяинцева и Ольги Яковлевны Куманиной не дошла. За неимением каких-либо твердых фактов, ведущих к Хотяинцевым, суд признал сочинителем истории Лейбрехта, впрочем, отнесся к нему предельно снисходительно. Возможно, на судей подействовал его аргумент, что он не знаком с покойным Достоевским и не бывал в его деревнях, а потому не мог придумать рассказанную им историю.

Случай о смерти Достоевского оказался весьма запутанным в процессуальном плане. Проблемы прятались и в вопросе подсудности, и в свидетельских показаниях, и в экспертных заключениях. При этом заметно сочетание двух разных манер ведения дела: земского суда — строгая процессуальность с тенденцией к буквалистскому исполнению «Свода законов Российской империи» и уездной палаты — перестраховка с произведением действий, почти выходящих за грань процессуально допустимого. Нестыковки между буквальным и расширительным прочтением законодательства во многом заставили бюрократическую машину возвращаться к этому делу еще и еще раз на протяжении без малого полутора лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Нечаева В. С. Записки советского литературоведа // НИОР РГБ. Ф. 792. Карт. 2. № 2. См. об эволюции ее взглядов: [21].
- 2 Государственный архив тульской области (ГАТО). Ф. 90 (Тульский гражданский губернатор). Оп. 1. Т. 20. № 15246. Л. 38–38 об. (Ведомость о происшествиях в Тульской губернии в течение 1-й половины июня 1839 года).
- 3 ЦГА г. Москвы. Ф. 2150 (Каширский уездный суд). Оп. 1. № 98. Л. 792 об.–793.
- 4 Свод законов Российской империи. Т. XIII. Ч. 2. Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части. 1839. Ст. 1228.
- 5 Журнал заседаний Каширского уездного суда за июль—декабрь 1839 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 2150 (Каширский уездный суд). Оп. 1. № 109. Л. 365 об.
- 6 Там же. Л. 365 об.–366.
- 7 Хвалебный отзыв о нем губернатора А. Е. Аверкиева, отметившего «особенное усердие к службе» и «примерный порядок по земскому суду», см.: Тульские губернские ведомости. 1839. № 47. С. 264.
- 8 Журнал заседаний Каширского уездного суда за июль—декабрь 1839 г. Л. 365 об.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 366.
- 11 Там же. Л. 365 об.
- 12 Там же. Л. 656 об.–657.
- 13 Там же. Л. 656 об.
- 14 Журнал заседаний Каширского уездного суда за январь—июнь 1840 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 2150. Оп. 1. № 109а. Л. 27–27 об.

- 15 Там же. Л. 28.
 16 Свод Законов Российской Империи. Ст. 35.
 17 Там же. Ст. 1306.
 18 Там же. Ст. 1310.
 19 ЦГА г. Москвы. Ф. 2150. Оп. 1. № 109. Л. 366 об.
 20 Там же. Ф. 2150. Оп. 1. № 109а. Л. 423 об.
 21 Там же. Л. 27 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршевъ, С. И. Къ учению о покушении / С. И. Баршев. — Москва : Университетская типографія, 1865. — 13 с.
2. [Баршев, Я. И.] Основания уголовного судопроизводства, съ примѣненіемъ къ російскому уголовному судопроизводству / соч. Орд. Проф. Уголов. и Полиц. Законовъ въ Имп. С. Петерб. Ун-тѣ, Д-ра правъ Я. Баршева. — Санктпетербургъ : Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1841. — [4], II, XVIII, 297 с.
3. Волгин, И. Л. К истории рода Достоевского / И. Л. Волгин // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 18. — С. 194–209.
4. Волгин, И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники : жизнь в документах. — Москва : Книга, 1991. — 605 с.
5. [Волгин, Н. А.] Демография / под общ. ред. Н. А. Волгина. — Москва : РАГС, 2003. — 384 с.
6. Волоцкой, М. В. Хроника рода Достоевского : 1506–1933 / М. В. Волоцкой. — Москва : Север, 1933. — 442 с.
7. Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. — Москва : Молодая гвардия, 1962. — 543 с.
8. Гроссман, Л. П. Достоевский на жизненном пути. Молодость Достоевского : 1821–1850 / Л. П. Гроссман. — Москва : Никитинские субботники, 1928. — 224 с.
9. Добротвор, Н. Борьба тульских крестьян с помещиками (с 1843 по 1861 г.) / Н. Добротвор // Тульский Край. — 1926. — № 2. — С. 20–21.
10. [Достоевская, Л. Ф.] Dostoejewski Geschildert von seiner Tochter A<imée> Dostojewski / Л. Ф. Достоевская. — Erlenbach-Zürich : Eugen Rentsch Verlag, 1920. — 307 p.
11. [Достоевская, Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Л. Я. Круковской ; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. — Москва ; Петроград, 1922. — 105 с.
12. Достоевская, Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Е. С. Кибардиной ; вступ. ст. ; подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — Санкт-Петербург : Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.
13. Достоевский, А. М. Воспоминания / А. М. Достоевский. — Москва : Аграф, 1999. — 432 с.
14. [Корф, Н. А.] Жизнь графа Сперанскаго : в 2 т., 5 ч. / Н. А. Корф. — Санктпетербургъ : Издание Императорской публичной библиотeki, 1861. — Т. 2. — 388 с.
15. Нейфельд, И. Достоевский. Психоаналитический очерк / И. Нейфельд ; пер. с нем. Я. Друскина ; под ред. проф. З. Фрейда. — Ленинград ; Москва : Изд-во Петроград, 1925. — 96 с.
16. Нечаева, В. С. В семье и усадьбе Достоевских : письма М. А. и М. Ф. Достоевских / В. С. Нечаева. — Москва : Гос. социально-экономическое издательство, 1939. — 160 с.

17. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849 / В. С. Нечаева. — М. : Наука, 1979. — 288 с.
18. Прохоров, Г. С. Езда в Даровое, или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов / Г. С. Прохоров // Вестник Московского гос. социально-гуманитарного ин-та. — 2013. — № 2 (14). — С. 327 [Электронный ресурс]. — URL : <http://darovoe.ru/publication/research> (15.05.2017).
19. Прохоров, Г. С. Следственные мероприятия по делу о смерти М. А. Достоевского в контексте криминалистики того времени / Г. С. Прохоров // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. — Коломна, 2009. — С. 217–220.
20. Прохоров, Г. С. Смерть Михаила Андреевича Достоевского в судебно-медицинских документах / Г. С. Прохоров // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 1. — С. 26–37 [Электронный ресурс]. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (15.05.2017).
21. Прохоров, Г. С. Федор Достоевский : досоветский, антисоветский и советский (о политически мотивированных образах писателя) / Г. С. Прохоров // Toronto Slavic Quaterly. — 2015. — No. 3. — Pp. 147–164 [Электронный ресурс]. — URL : http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_prokhorov.pdf (15.05.2017).
22. [Сперанский, М. М.] Руководство къ познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго / М. М. Сперанский. — Санктпетербургъ : Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. — 171 с.
23. Тихомиров, Б. Н. Даровое и Черемошня в неосуществленных художественных замыслах Достоевского / Б. Н. Тихомиров // Летние чтения в Даровом. — Коломна, 2013. — Вып. 3. — С. 15–29.
24. Федоров, Г. А. К биографии Ф. М. Достоевского. Домыслы и логика фактов / Г. А. Федоров // Литературная газета. — 1975. — 18 июня. — № 25. — С. 7.
25. Федоров, Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Г. А. Федоров. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.
26. Федоров, Г. А. «Помещик. Отца убили...» / Г. А. Федоров // Новый мир. — 1988. — № 10. — С. 219–238.
27. [Филиппов, О. А.] Очеркъ русскаго уголовного права О. А. Филиппова / О. А. Филиппов. — Петербургъ, 1866. — Вып. 1. — 200 с.
28. [Филиппов, М. А.] Судебная реформа въ Россіи М. А. Филиппова : въ 2 т. / О. А. Филиппов. — Санктпетербургъ : Типографія Суворина, 1871. — Т. 1 : Судоустройство. — [4], IV, 623 с.
29. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство / З. Фрейд // Классический психоанализ и художественная литература. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — С. 70–87.
30. Carr, E. H. Dostoevsky. 1821—1881 : A New Biography / E. H. Carr. — London, 1931. — Pp. 21–22.

Georgy S. Prokhorov

*Doctor of Philology,
Senior lecturer, Professor of Literature
of State University of Social Studies and Humanities
(Kolomna, Russian Federation)*

prokhorov_goscha@mail.ru

THE CASE OF MIKHAIL ANDREEVICH DOSTOEVSKY'S DEATH, OR WHAT DID JUDGES SWEAT AWAY DURING A YEAR AND A HALF

Abstract. The primary focus of this article is to cast some light on the procedural aspects which resulted from the investigation into Mikhail Andreevich Dostoevsky's death. In this article we attempt to interpret the material evidence of the face-to-face interrogation of the two key witnesses to the case — Ivan Leibrecht and Vladimir Nechaev. The interpretation of the case is made based on the effective Russian legislation of the 1830s and the existing police investigation papers of the years 1839–1840. Thus, three main semantic lines of police inquiry have been disclosed, i. e. the cause of death, the source of the murder gossips (hearsay witnesses) and the problem of jurisdiction. Alongside this, discrepancies between the two legal bodies involved in the judicial proceeding — The Court of Kashira Uezd and Tula Criminal Chamber — have been brought to light.

Keywords: Mikhail Andreevich Dostoevsky, Darovoe, Cheremoshnya, legal text interpretation, homicide, investigation, procedural law

REFERENCES

1. Barshev S. I. *K ucheniyu o pokushenii [More on the Research Study of the Assassination Attempt]*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1865. 13 p. (In Russ.)
2. Barshev Ya. I. *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu [The Grounds for Criminal Proceeding, Adapted to Russian Criminal Proceeding]*. St. Petersburg, V Tipografii vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1841. 297 p. (In Russ.)
3. Volgin I. L. More on the History of the Bloodline of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 18, pp. 194–209. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh [To Be Born in Russia, Dostoevsky and His Contemporaries: Life in Documents]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 605 p. (In Russ.)
5. Volgin N. A. *Demografiya [Demography]*. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 2003. 384 p. (In Russ.)
6. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo: 1506–1933 [The Chronicle of Dostoevsky's Bloodline: 1506–1933]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
7. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 543 p. (In Russ.)
8. Grossman L. P. *Dostoevskiy na zhiznennom puti. Molodost' Dostoevskogo: 1821–1850 [Dostoevsky on His Life Path. The Youth of Dostoevsky: 1821–1850]*. Moscow, Nikitinskiye subbotniki Publ., 1928. 224 p. (In Russ.)

9. Dobrotvor N. The Struggle of Tula Peasants Against the Landowners (From 1843 to 1861). In: *Tul'skiy Kray*, 1926, no. 2, pp. 20–21. (In Russ.)
10. Dostoevskaya L. F. *Dostoejewski Geschildert von seiner Tochter A<imée> Dostojewski* [*Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya*]. Erlenbach-Zürich, Eugen Rentsch Verlag Publ., 1920. 307 p. (In German)
11. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoy* [*Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya*]. Moscow, Petrograd, 1922. 105 p. (In Russ.)
12. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri* [*Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 245 p. (In Russ.)
13. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [*Memories*]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 432 p. (In Russ.)
14. Korf N. A. *Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 tomakh, 5 chastyakh* [*Life of Count Speransky: in 2 Vols, in 5 Parts*]. St. Petersburg, Publication of the Imperial Public Library Publ., 1861, vol. 2. 388 p. (In Russ.)
15. Neyfel'd I. *Dostoevskiy. Psikhoanaliticheskiy ocherk* [*Dostoevsky: A Psychoanalytic Essay*]. Leningrad, Moscow, Petrograd Publ., 1925. 96 p. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [*In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Fedor M. Dostoevsky*]. Moscow, State Economic and Social Publ, 1939. 160 p. (In Russ.)
17. Nechaeva V. S. [*Ranniy Dostoevsky. 1821–1849*]. *Early Dostoyevsky. 1821–1849*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)
18. Prokhorov G. S. Journeys to Darovoe, or the Dostoevsky Estate Through the Eyes of Travelers of the 1920s. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta* [*Herald of Moscow Regional State Institute of Humanities and Social Studies*], 2013, no. 2 (14). P. 327. Available at: <http://darovoe.ru/publication/research> (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
19. Prokhorov G. S. The Criminal Investigation Into the Death of M. Dostoevsky in Terms of Criminology of That Time. In: *F. M. Dostoevskiy v dialoge kul'tur* [*F. M. Dostoevsky in the Dialogue of Cultures*]. Kolomna, 2009, pp. 217–220. (In Russ.)
20. Prokhorov G. S. Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death According to Forensic Medical Documents. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*The Unknown Dostoevsky: Online Research Journal*], 2015, no. 1, pp. 26–37. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
21. Prokhorov G. S. Fedor Dostoevsky: Pre-Soviet, Anti-Soviet and Soviet (About the Politically Motivated Images of the Writer). In: *Toronto Slavic Quaterly*, 2015, no. 3, pp. 147–164. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_prokhorov.pdf (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
22. Speranskiy M. M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Sochinenie Grafa Speranskogo* [*The Guide to the Study of Laws. The Tractate of Count Speransky*]. St. Petersburg, V Tipografii vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1845. 171 p. (In Russ.)
23. Tikhomirov B. N. Darovoe and Cheremoshnya in the Unfulfilled Artistic Plans of Dostoevsky. In: *Letnie chteniya v Darovom* [*Summer Readings in Darovoe*]. Kolomna, 2013, issue 3, pp. 15–29. (In Russ.)
24. Fedorov G. A. More on the Biography of F. M. Dostoevsky. Conjectures and the Logic of Facts. In: *Literaturnaya gazeta*, 1975, 18 June, no. 25. P. 7. (In Russ.)

25. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [Moscow World of Dostoevsky. The History of Russian Artistic Culture of the 20th Century]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
26. Fedorov G. A. "Landowner. The Father Was Muredered...". In: *Novyy Mir*, 1988, no. 10, pp. 219–238. (In Russ.)
27. Filippov O. A. *Ocherk russkogo ugolovnogo prava O. A. Filippova* [An Essay on Russian Criminal Law by O. A. Filippov]. Petersburg, 1866, issue 1. 200 p. (In Russ.)
28. Filippov M. A. *Sudebnaya reforma v Rossii M. A. Filippova: v 2 tomakh* [The Judicial Reform in Russia by M. A. Filippov: in 2 Vols]. St. Petersburg, Suvorin's Printing House, 1871, vol. 1: Judiciary. [4], IV, 623 p. (In Russ.)
29. Freyd Z. Dostoevsky and Patricide. In: *Klassicheskiy psikhoanaliz i khudozhestvennaya literatura* [Classical Psychoanalysis and Literature]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, pp. 70–87. (In Russ.)
30. Carr E. H. *Dostoevsky. 1821–1881: A New Biography*. London, 1931, pp. 21–22. (In English)